

Phillip Vannini, Jonathan Taggart. *Off the Grid: Re-Assembling Domestic Life*. N.Y.: Routledge, 2015. 234 p. (Innovative Ethnographies)

Книга Ф. Ваннини и Дж. Таггарта “Off the Grid: Re-Assembling Domestic Life” содержит феноменологию быта людей, отказавшихся от централизованного снабжения энергией, теплом, водой и едой. Она является частью мультимедийного проекта, также включающего сайт и фильм. В рецензии анализируется специфика использования авторами новых медиа, рассматриваются методологические проблемы исследования, в том числе связанные с его широкой публичностью.

Ключевые слова: инфраструктура, домашние практики, Канада.

Книга Ф. Ваннини и Дж. Таггарта “Off the Grid: Re-Assembling Domestic Life” издана в серии “Innovative Ethnographies” издательства “Routledge”. Серия, редактором которой является один из авторов книги, Ф. Ваннини, была запущена в 2012 г. Ее ключевые особенности — экспериментирование с жанрами письма и использование фото-, аудио- и видеоматериалов. Каждое изданное произведение представляется в трех формах: как книга (в электронной и бумажной версиях), как сайт и как фильм. Назначение серии — не только представлять результаты академической деятельности и просвещать, но и развлекать.

Для Ваннини это второе произведение, изданное в рамках серии. Его интерес к альтернативным — по отношению к среднему городскому — стилям жизни не нов. Предметом его первой книги “Ferry Tales: Mobility, Place, and Time on Canada’s West Coast” (2012) была повседневность жителей небольших островов у берегов Британской Колумбии в Канаде, во многом выстраивавшаяся паромными переправами. Предметом второй, рассматриваемой в этой рецензии, стал домашний быт и повседневность людей, живущих вне сетей централизованных коммуникаций.

Анастасия Игоревна Карасева
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
akarasyova@eu.spb.ru

В данном случае «книжная часть» произведения представляет собой гипертекст, избыливающий ссылками на веб-ресурсы, поэтому читать ее не вполне удобно, а бумажная версия и вовсе выглядит не более чем данью академической традиции. Медиа-часть этого гипертекста составляют фотографии и аудиовыдержки из интервью. Тематика исследования располагала к обильному использованию иллюстраций различных бытовых приспособлений и практик, однако авторы пошли по другому, более удачному пути, сбалансировав изображения вещей, героев и пейзажей. Тем не менее фотографии не всегда на месте: то отсутствуют там, где их ждешь (см. подробное описание металлостеклянных контейнеров для приготовления еды с помощью солнца — Р. 14, или особого типа печи — Р. 153), то возникают там, где в них нет нужды (см. фото испачканных велосипедной смазкой рук одного из авторов — Р. 13). Кроме того, некоторые из фотографий, размещенных на сайте, не имеют пояснения в тексте, а иные ссылки на фото ведут не туда. Аудиофрагменты используются более единообразно: это выдержки из записей интервью, их функция — дать возможность информанту быть услышанным. Звуковая сторона внесетевой жизни — весьма отличная, надо полагать, от привычной усредненной городской — по непонятным причинам остается за кадром. Видеофрагменты, местами столь необходимые для иллюстрации, в книге никак не используются: по правилам серии, они составили самостоятельный фильм.

Вторая особенность публикаций в рамках серии — игра с жанром — также в полную силу эксплуатируется авторами (или точнее, автором: магистрант программы исследований в области коммуникации и профессиональный фотограф Таггарт к вербальному тексту отношения не имел). Любимый Ваннини еще со времен “Ferry Tales” травелог становится идеальной формой воплощения для известной качественникам метафоры исследования как путешествия, позволяя сделать достоянием читательской публики не только собственно выводы, но и сомнения на пути к ним — в данном случае, правда, порожденные преимущественно недоработками на этапе дизайна, нежели неожиданными поворотами исследования. (Рассуждения о методологии см. далее.)

Текст Ваннини — хорошая литература, сдобренная самоиронией и наполненная точными и живыми описаниями героев: ср., например, меткую характеристику Лорна — *sixty years young* (Р. 46), помощника Джейми — *Ontario transplant [having] Arctic-acclimatized eyes* (Р. 64) или Гийса — *duly shirtless, but covered in layers of charisma* (Р. 115), или обращенную к увязшим в снегу исследователям фразу их спасителя, местного жителя, гордого своим локальным знанием: “No native eyes, eh?”

What's the matter? Southerners can't tell white from white?" (Р. 65). Избежать конфликта с жанром академического письма, однако, ему так и не удастся: что для литературы добродетель (игры, построенные на многозначности слов) — для науки, с ее стремлением к предельной точности термина, недостаток. Ср. упоминание о том, что американцы составляют, «безусловно, самое крупное этническое меньшинство среди канадских «вне-сетевиков»» (Р. 172), заставляющее читателя недоумевать по поводу использования слова «этническое»: что это — ирония, описка или некорректное употребление термина?

Подлинная оригинальность книги, однако, не в использовании медиа и даже не в избранном жанре травелога, а в выборе объектов, не составляющих сообщества. Подобный выбор для антропологов не типичен — тем интереснее посмотреть, какие вызовы и ответы он рождает.

Первый из вызовов — четкое определение предмета исследования. Off-grid определяется как «свойство строений (обычно домов, но иногда и целого городка), не подключенных к сетям электропитания и газоснабжения» (Р. IX) и, следовательно, автономных с точки зрения освещения и тепла. Главная проблема этой дефиниции заключается в неразличении индивидуального и коллективного уровней присоединения к сетям. Как следствие, в главе 4 авторы открывают, что, с точки зрения бытового пользования инфраструктурой, нет никакой разницы между жителем мегаполиса, включенного в национальные энергетические сети, и жителем маленького поселка, автономного по отношению к национальной системе, но с общими коммуникациями внутри. Кроме того, за определением следует пояснение, что энергетическая независимость часто сопровождается автономностью в производстве и потреблении других жизненно необходимых ресурсов — еды и воды. Считать ли это частью определения, остается неясным. Слепым пятном такой расширительной трактовки подключенности к разным сетям является подключение к сетям связи — мобильной и интернет: отдельной главы телекоммуникациям не посвящено, хотя тема важности всемирной паутины проходит сквозь повествование красной нитью.

Второй вызов связан с процедурой отбора информантов. Ими становятся люди, выбравшие подобный образ жизни сознательно и совмещающие его с разнообразной занятостью в различных отраслях экономики. Сознательность выбора играет здесь определяющую роль и, видимо, призвана служить разграничительной линией между «сетевыми беглецами» и теми, кому городской образ жизни, предполагающий пользование сетевой инфраструктурой, пока незнаком: жителями тех сель-

ских местностей, куда сети еще не дотянулись, или представителями коренных народов, которые продолжают вести традиционный образ жизни. Правда, неподключенность к сетям, сколь бы сознательно люди ее ни выбирали, в большинстве случаев оказывалась не самоцелью, а побочным продуктом поисков лучшей жизни: то сети были расположены слишком далеко от места мечты, то подключение к ним обходилось слишком дорого.

Декларируемый подход в отборе информантов — намеренно нерепрезентативный и реляционный: нет ни генеральной совокупности, ни, соответственно, выборки. Однако границы нужны любому исследованию, а тревелог требует заданного маршрута — и определяющим принципом оказывается административно-территориальное деление Канады: количество глав соответствует числу провинций и территорий (12) плюс одна заключительная, при этом каждая глава посвящена одной административной единице. В каждом из регионов авторы проводили по неделе, за два года (с 2011-го по 2013-й) проинтервьюировав в общей сложности около 200 человек, жителей примерно 100 домов.

Между тем национальная привязка для исследования с такой тематикой все-таки нуждается в обосновании: устройство канадской системы централизованных коммуникаций и платежей за них, вероятно, различается и на межнациональном, и на внутринациональном уровнях — но как именно? Об этом в книге почти не упоминается, за исключением описания инфраструктуры Аклавика, поселка с автономными — по отношению к сетям национальным — микросетями, в главе 4 и беглого замечания о субсидировании домашнего производства энергии в Онтарио в главе 6 (Р. 101). Пояснение требуется тем более, что у административно-территориального принципа есть явный конкурент — принцип климатический: природные условия в разных частях страны варьируются довольно сильно. Не случайно в указанном Аклавике, расположенном на приполярных Северо-Западных территориях, найти настоящих идейных «сетевых беглецов» авторам не удалось, а глава 11, посвященная Нунавуту, другой арктической области, оказалась самой короткой (9 страниц) и невразумительной.

Сама процедура поиска информантов включала, с одной стороны, обращение к локальным правительственным структурам, отвечающим за возобновляемую энергию, с другой — активное использование интернета (в том числе сайтов производителей энергетического оборудования и компаний, поставляющих возобновляемую энергию, бизнес-сайтов, связанных с подобным образом жизни, блогов с личными исто-

риями энтузиастов). Часть информантов сами вышли на связь с исследователями, узнав о проекте через СМИ: авторы давали от полудюжины до дюжины интервью местным газетам, радиостанциям и ТВ за неделю в каждом регионе. Само перечисление задействованных каналов коммуникации с информантами наводит на мысль о том, что последних было достаточно, чтобы встал вопрос об их отборе — но о нем в книге нет ни слова. Загадкой остается и роль СМИ: информация о том, откуда представители медиа узнавали о проекте, равно как и рефлексия о влиянии медийной поддержки, в тексте отсутствует. Ваннини жалуется на стремление журналистов подавать информацию под определенным углом и представлять их информантов либо как отшельников, либо как хиппи, но он не задается вытекающими отсюда вопросами: знаком ли информант с этим образом; если да, то как себя с ним соотносит; каким хочет представить себя публике; и т.д.

Недостаточная ясность в определении предмета влечет за собой эклектичность в анализе, что наглядно выражается в тематическом структурировании книги — это второй принцип организации материала, используемый в дополнение к административно-территориальному. Каждая глава повествует о какой-нибудь особенности жизни «внесетевиков»: феноменологии и ухищрениях в области отопления (Ch. 3), освещения (Ch. 6), энерго- (Ch. 7) и водоснабжения (Ch. 10), а также о влиянии расстояний и дорог (Ch. 2, 4), роли навыков ремонта и строительства (Ch. 8), специфике темпоральной организации (Ch. 9), кемпинге как образе жизни (Ch. 11) и, наконец, идеологии (Ch. 12, 13). Сочетание этих двух принципов в рамках одной главы вводит ненужную связь между местом и темой: в итоге вопрос отопления как будто оказывается особо важным в Альберте, а освещения — в Онтарио. Причины именно такого сопряжения темы и места при этом неочевидны.

Что касается теоретической рамки, опорой авторам служит феноменологический подход — концепции Т. Ингольда, Н. Трифта, Т. Крессвелла. В фокусе оказывается подробное описание практик организации быта. Связь с социально-экономическими условиями дана пунктирно — через общие соображения о современных стандартах комфорта и противоположение им практик «внесетевиков». Социальные портреты последних написаны в разной манере: для одних указывают тип занятости (Конрад с женой — Р. 41), для других — профессию (Джон — Р. 134, Венди — Р. 146), для третьих — длительность жизни вне сетей (Брайан — Р. 22–23, Лорн — Р. 46), для четвертых — факт эмиграции и страну исхода (Роберт — Р. 22, Гис — Р. 115, Джуди — Р. 197). Некоторые портреты не содержат никакой социально-демографической информации —

только описания идеологических убеждений (Мюррей и Наан — Ch. 6, Стив — Ch. 7). Разнородность в описаниях намеренная: вспомним, что непрезентативность и процессуальность заявлены в качестве руководящих принципов в исследовании. Авторы отказываются типологизировать, но по ходу книги замечают: «внесетевой» образ жизни выбирают преимущественно пары (гетеросексуальные, — добавит внимательный читатель), иногда с детьми, с традиционным распределением домашних обязанностей согласно гендерной принадлежности, а если одиночки, то в основном мужчины (Р. 93). Авторы не рассматривают расовый и этнический аспект (если не считать процитированного выше упоминания об американцах), но по фотографиям видно, что это исключительно светлокожие европеоиды; если дополнить это наблюдение крупными фрагментами информации из текста, становится очевидным их преимущественно евро-американское происхождение. Скупые данные о профессии и занятости информантов позволяют предположить, что в основной массе это высокообразованные люди.

Стоит отметить, что описания героев становятся все более информативными по мере движения от начала книги к ее концу: в последних главах даны полноценные развернутые истории, в которых личная мотивация, идеология и обстоятельства жизни неразрывно связаны.

Отказ от обобщения, однако, затрагивает только уровень социально-экономических характеристик — на уровне идеологии информанты демонстрируют удивительное единообразие. Здесь у авторов обнаруживаются две проблемы: неразличение между языком информантов и языком научного описания и некритическое восприятие слов информантов. Приведу пример обеих этих проблем. В главе 2 речь заходит об идеологии «сознательной простоты» (*voluntary simplicity*) — так и остается неясным, используется ли это словосочетание как этный или эмный термин. Ваннини пишет: «Когда Брайан и другие “внесетевики” говорили о том, чтобы жить простой жизнью, они обращались — некоторые явно, некоторые не называя — к философии “сознательной простоты”, набору ценностей, охватывающему умеренность, гармонию с окружающей средой, самостоятельность и гибкость (*resilience*)» (Р. 24–25). Далее следует пассаж об идеологе «сознательной простоты» и его книге. Однако нигде явным образом не проговаривается, что информанты (весьма разношерстные!) с этой книгой знакомы. Вправе ли мы в таком случае считать эту идеологию философией «внесетевиков», если они упоминают отдельные идеи, объединенные под этим именем, и черпают их вовсе не из тех трудов, которые описывает Ваннини? Получается, что термин все-таки не эмный. Но и не этный: есть указание на широкую

распространенность этих идей и академические работы, посвященные их приверженцам (Р. 25–26).

Что касается не критического восприятия слов информантов, то показателен тут следующий пример. Почти в конце своего путешествия Ваннини и Таггарт через одного из информантов знакомятся с радикальным «внесетевиком», живущим не только вне уже ставших привычными сетей электро-, тепло-, газо- и водоснабжения, но и без телевидения и интернета. Диковатый, говорящий на неразборчивом английском, Уолтер поражает Ваннини хорошо знакомыми тому аргументами: «Принципы сознательной простоты, лежащие в основе его рассуждений, показали, что он сведущий и рефлексивный человек и далеко не простофиля, как можно было бы подумать благодаря его незамысловатым модуляциям» (Р. 193). Информант видится исследователю сведущим и рефлексивным, поскольку разделяет его позицию. На деле же о рефлексивности едва ли идет речь: информант транслирует дискурс, очевидно, пришедший в эти края с появлением ветровой турбины и развитием туризма: об этих событиях Ваннини честно сообщает в следующем абзаце, не связывая, правда, одно с другим.

Указанные проблемы, а также исключение из анализа социальных детерминант действий людей и сосредоточенность на феноменологии практик, определяющих внесетевую образ жизни, — следствия, с одной стороны, сравнительно короткой социальной дистанции между Ваннини, белым представителем среднего класса, живущим на острове у берегов Британской Колумбии, и информантами, и, с другой стороны, дисциплинарного бэкграунда Ваннини: в этнографию он пришел из культурной географии. Работы в этой области носят преимущественно теоретический характер.

Впрочем, собственная идеологическая позиция авторов тоже играет роль: Ваннини и Таггарт — активные участники проекта публичной этнографии, главная задача которой — «критическое воспитание широкой аудитории»¹. Этот настрой чувствуется уже на первых страницах книги, где в качестве главных ее целей заявляются «глубокий анализ *нестандартных* [*unusual*, курсив авторов. — А.К.] современных способов организации домашнего быта и призыв к тем из нас, кто ведет жизнь *обычную*, исследовать то, что мы считаем само собой разумеющимся касательно наших домов, потребностей и желаний» (Р. IX). Экзотизация объекта и миссионерский запал так и идут рука об

¹ Сайт "Ethnography. Media. Arts. Culture", рубрика "About [the project]": <<http://publicethnography.net/about>>.

руку на протяжении всей книги, прекрасно сочетаясь с неразличением своей позиции и точек зрения информантов.

Результатом исследования при таком посыле можно считать осознание авторами ограничений подобного образа жизни, который требует гибкой занятости, сокращенного рабочего дня, возможности работать удаленно и отсутствия проблем со здоровьем. Помимо этого, достоинством книги является богатая, мастерски написанная этнография: подробные отрывки из интервью позволяют представить картину в деталях, несмотря на не всегда точные интерпретации авторов.

Приведу пример в подтверждение. Одна из информанток Ваннини и Таггарта решила жить вне сетей после затяжного судебного процесса с компанией-поставщиком электричества. Боясь случайно нарушить какой-нибудь закон, она с сыном поселяется в старом школьном автобусе, который юридически не может быть приравнен к жилищу. Обладая развитыми навыками работы с деревом, она строит собственный дом-лодку (который опять же юридически не может быть признан жильем) и намеревается перебраться туда.

Как и все лодки, «ковчег» Андреа был оборудован простейшим водопроводом и требовал очень мало воды. Вода в основном проводилась через систему черпаков (buckets). Ее либо выкачивали из 14-футового, вырытого вручную колодца, либо собирали в 10-галлонные пластиковые тележки <...>. Питьевую же воду покупали в магазине. Стирала Андреа тоже в городе. Как и у Фила, простейший туалет-компост не нуждался в смыве. Для уборки и умывания использовали кухонную раковину, стоки из которой текли в помещенный снаружи бак, пока маленькая ванна, 4 на 2 фута, ожидала подключения к водопроводной системе.

— Как же Вы моетесь? — задал я свой следующий, неуместный, но обязательный вопрос.

— Мы обтираем тело мокрой губкой. Иногда моемся у друзей, — в ее голосе послышалась дрожь. <...>

«Это компромисс, — рассуждала она, пытаясь совладать со своими эмоциями. — Я вижу, как много люди потребляют в своей домашней жизни, как много они тратят, и понимаю, что мы можем жить более экологично и независимо, если будем обходиться меньшим» (Р. 166).

Ваннини видит в отсылке к экологически устойчивому образу жизни, приведенной в отрывке, иллюстрацию компромиссов, на которые приходится идти «сетевым беглецам». Но можно прочитать ее и иначе: например, как средство самоутешения или как способ создать положительный образ себя в глазах интервьюера. То, что изложение этого фрагмента оставляет читателю возможность выработать собственные интерпретации, —

безусловная заслуга автора, свидетельство честного подхода в обращении с данными и отсутствия попыток приладить их к собственной идеологической позиции.

Невзирая на методологические упущения, книга, таким образом, все-таки достигает своей главной цели — сформировать представление о многогранности внесетевого образа жизни как явления: и с точки зрения вариативности комфорта, и с точки зрения технологических ухищрений.

Анастасия Карасева

Review of Phillip Vannini, Jonathan Taggart, *Off the Grid: Re-Assembling Domestic Life*. New York: Routledge, 2015, 234 pp. (Innovative Ethnographies)

Anastasia Karaseva

European University at St Petersburg
Gagarinskaya st. 3, St Petersburg, Russia
akarasyova@eu.spb.ru

Off the Grid: Re-Assembling Domestic Life by Phillip Vannini and Jonathan Taggart is an original multimedia project, part of which is a book. The project examines the domestic practices of Canadians who chose to live autonomously in terms of energy, heat, water and food supplies, as well as wastewater and rubbish disposal. The review analyses the methodological challenges of the research, including those related to the project publicity and usage of new media. The review also gives respect to rich ethnographic descriptions and to the authors' style of writing.

Keywords: infrastructure, domestic practises, Canada, off the grid.